

СОЛНЦЕ И ЛУНА В КИТАЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ

**Арефьева Александра Сергеевна,
Винникова Виктория Сергеевна,
Груздева Анастасия Павловна,
Свердлик Маргарита Андреевна,**

*студентки первого курса,
направление подготовки: «Востоковедение и
африканистика»,
ВИ–ШРМИ ДВФУ*

Во многих странах небесные светила занимали особое место в

культуре. Основными и наиболее почитаемыми среди космических тел являлись Солнце и Луна. Им поклонялись, наделяли особым значением, устраивали празднования в их честь. Древний Китай не был исключением. Такое отношение к двум светилам прослеживается в литературе, мифологии, философии, религии, изображениях небесных тел на различных атрибутах древней эпохи – источниках знаний о культуре Китая. Российский синолог, кандидат искусствоведения Н.А. Виноградова отмечала, что в Китае «солнце и луна воспринимались как существа, рождённые богинями, а вся вселенная представлялась населённой духами.

...изображения этих мифологических существ вплеталось в общий узор, близкий для всех видов искусства, композиция которого не была связана единым сюжетом и действием. Каждый из ритуальных предметов, украшенных орнаментом, выполнял в ту пору роль микрокосмоса, так как нёс всю смысловую нагрузку представлений человека о мире. Сосуды, изделия из бронзы, скульптура и настенный орнамент погребений служили человеку "оберегами", остерегая его жизнь от всех стихийных бедствий и привлекая к нему добрые знамения» [2, с.24].

Восприятие жителями разных цивилизаций одних и тех же явлений зачастую являются отличными друг от друга. Как будущим китаеведам нам интересно познакомиться с новыми знаниями о том, как жители Китая воспринимали эти главные небесные тела. Данная работа направлена на более глубокое изучение культуры этого государства и понимание картины мира, созданной древними китайцами.

Солнце и Луна в концепции Инь и Ян

Значительное место в китайской культуре занимает тема происхождения вселенной и жизни на земле. Востоковед, д - р. филол. наук, профессор Николай Трофимович Федоренко, рассматривая проблему происхождения мира и жизни на земле с точки зрения древних китайцев, отмечал, что «даже после появления натурфилософского объяснения возникновения мира, которое получило широкое распространение, мифологические версии сотворения мира благодаря своей непосредственности остались популярными среди народа» [8, с.382].

В соответствии с древними китайскими воззрениями первоначально во вселенной царил первозданная стихия хаоса – «хуньдунь», не существовало ни земли, ни неба, ни света, ни тьмы, ни дня, ни ночи, ни времён года. Впоследствии это великое единство раскололось. Возникли полярные силы: светлые частицы,

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

обозначаемые иероглифом «ян», поднялись кверху, и таким образом возник небосвод, солнце, день» [8, с.382].

Востоковед Леонид Сергеевич Васильев в книге «Культы, религии, традиции в Китае» подчеркнул, что с древних времён в Китае солнце и луна воспринимались всегда в паре, а в соответствии с идеями о силах «инь» и «ян» Луна считалась олицетворением женского начала, солнце – мужского [1, с. 399]. Историк, кандидат философских наук Галина Ивановна Царёва обращала внимание на то, что самой личности императора приписывалось сверхъестественное значение, а его космическим эквивалентом было солнце – персонификация мужского начала Ян. Императрица отождествлялась с луной и женским началом Инь, в противоположность императору [9, с. 315].

Рис.2. Графический солярный символ (с ханьских погребальных фресок)

Солнце в китайской культуре

Российский историк, китаевед, канд. филол. наук Электра Михайловна Яншина акцентировала внимание на том, что солнце – воплощение энергии Ян, его образ и символ играет в китайской культуре значительную роль. Культ солнца является одним из наиболее стойких культов в Китае, он засвидетельствован эпиграфически-гадательными надписями из иньского городища, нарративными и археологическими памятниками [11, с.106].

Самые ранние наблюдения над природой приводят древнего китайского человека к осознанию суточного круговорота, который представляется ему результатом движения солнца. Эту подмеченную периодичность появления и исчезновения дневного светила китайцы стремились обеспечить магическими действиями – жертвоприношением восходящему и заходящему солнцу. Таким образом, колдовское

действие было направлено на сам предмет природы – солнце [11, с.106].

Как отмечает известный российский синолог, д - р. филол. наук, профессор Марина Евгеньевна Кравцова в книге «История культуры Китая», ежедневное действие перед восходом и заходом солнца было связано с древнейшим из солярных мифологем представлением о Солярном древе (Фусан, досл. «Солнечная шелковица»), включавшие в себя веру в множественность солнц и дриадные солярные образы – в виде плодов или цветов, растущих на ветвях Солнечной шелковицы [4, с.172]. У М.Е. Кравцовой узнаём, что «предки древних китайцев не сразу поняли, что каждодневно восходит одно и то же солнце. Представлялось, что солнц столько, сколько наступает дней, то есть что каждый день восходит новое солнце. Отголоски этих представлений можно усмотреть в таком языковом тождестве: в китайском языке слов «день» (жи) и «солнце» явлении, как (жи)» [4, с.172]. Как отмечала Э.М. Яншина в книге «Формирование и развитие древнекитайской мифологии»: «Первоначально солнце просто отождествлялось с днём, что полностью соответствовало непосредственному ощущению. В письменной традиции мы имеем дело с представлениями о десяти солнцах, всходивших на небо по очереди» [11, с.106]. М.Е. Кравцова пишет о воззрениях древних китайцев о солярном древе: «А вот солярное древо мыслилось гигантским растением, растущим на крайнем востоке и на берегу водоёма с кипящей водой. Культ Солярного древа восходит к иньским верованиям, о чём свидетельствуют наличие соответствующих пиктограмм (ветка дерева с несколькими

Рис.1. Солнечная Шелковица и Стрелок, стреляющий в солнца-воронов (по мотивам ханьских погребальных рельефов)

кружками) на «гадательных костях», конфигурация протоиероглифа «солнце» (круг с точкой посередине) и иньские календарные реалии (деление месяца на три декады по десять дней/солнц в каждой). Кроме того, известно, что иньцы поклонялись шелковице как тотемному дереву. В последующие эпохи образ восточного Солярного древа дополнился образом западного Солярного древа – Дерево Жо, растущее на краю запада» [4, с.172].

Следующая солярная мифологема, которую рассматривает М.Е. Кравцова — это сюжет о рождении солнц, кратко излагаемый в «Каталоге гор и морей». В нём говорится о женском божестве по имени Сихэ, которая является супругой Ди-ку и порождает (или однажды породила) десять солнц. Учитывая, что в китайском языке слова «день» и «солнце» записываются одним и тем же иероглифом, не исключено, что речь в оригинальном тексте идет о порождении не астральных объектов как таковых, а о солнце-днях, то есть об установлении традиции летосчисления, причём именно в иньском её варианте [4, с.172].

В сборнике «Мифы и легенды народов мира» приводится легенда «Десять солнц», в которой показана космогоническая проблема управления порядком [5, с.107]. В книге «Классический Китай» И. Каменарович пояснял, что богиня Сихэ выступает главным действующим персонажем колесничного солярного мифа, повествующего о том, что каждый день одно из десяти солнц, живущих на ветвях Солнечной шелковицы, совершает путешествие по небу в колеснице, влекомой шестью драконами и управляемой Сихэ. Далее И. Каменарович уточняет, что это есть особые, солярные Драконы, отличительным признаком которых является наличие пары рогов на голове [3, с.172].

М.Е. Кравцова отмечает, что все мифологемы о рождении солнца впоследствии были соединены в общем сюжете об астральной охоте и небесном Стрелке (И) [4, с.173].

В книге «Мифы и легенды народов мира» приводится легенда «Великий лучник по имени И» [5, с.108]. Переводчики О. Курган и С. Чумаков так перевели этот сюжет о лучнике И: «Некогда (во

времена правления императоров Яо или Шуня) все десять солнц, рожденные Сихэ и обитающие на ветвях Фусан, неожиданно появились на небе, вызвав страшную засуху. Вняв мольбам погибающих от жары людей, боги (или единолично Ди-ку) послали на землю небесного Стрелка, наказав ему усмирить солнца. Меткими выстрелами из лука Стрелок сразил девять солнц из десяти, а оставшееся в живых солнце было настолько напугано этой расправой, что никогда более уже не осмеливалось как-то нарушить должный космический порядок» [5, с.108]. И. Каменарович отмечал, что солнца изображаются в виде птиц (воронов) (рис. 1), [3, с.172]. Стоит сказать, что к рассмотренному сюжету восходит также стандартная для всей культуры Китая графическая символика солнца: круг с птицей внутри (рис. 2), [3, с.173]. Отличительным признаком солярного ворона (вариант – петух) является наличие у него трёх лап, которые трактуются в науке как изображения трёх декад иньского месяца [3, с.173].

В свете солярных представлений Э.М. Яншина в своём труде «Формирование и развитие китайской мифологии» отметила путь развития образа божества Сихэ. По её убеждению, «антропоморфизация солнечного божества шла постепенно, как и превращение его в повелительницу-владычицу солнца, возможно в образе богини, управляющей солнечной колесницей («Хуайнаньцзы»)» [11, с.120]. На этой стадии наряду с богиней солнца существовали представления и о других богах, функциями которых было управление движением небесных светил, различными фазами этого движения или местами, с ними связанными. Со временем все функции, связанные с круговоротом солнца, сосредоточивались в одном божестве – Сихэ, которая делается обобщенным божеством солнца, заменяя собой многочисленных богов, так или иначе связанных с солнцем. Отголоски этой стадии развития образа можно видеть в «Скорби Отлучённого», где именно Сихэ мыслилась способной остановить бег времени, в сообщении «Гуйцзана» о том, что «Сихэ... управляет солнцем и луной, их восходом и заходом, чтобы были свет и темнота» [11, с.120].

Э.М. Яншина утверждала, что Сихэ изображается и как божество, регулирующее чередование дней, времён года. Подобные представления, по мнению Э.М. Яншиной, проглядывают в повествовании «Исторических записок» о «бунте» Сихэ: «Некогда Сихэ предалась разгулу, пренебрегла сезонами и спутала дни» – и об установлении «гуаня» (жреческой должности? службы?) Сихэ: «Яо... установил, «гуань» Сихэ, дни и времена года [получили] правильную соразмерность, тьма и свет пришли в гармонию, ветра и дожди стали своевременными» [11, с.120].

Э.М. Яншина считала, что сам факт олицетворения солнца в женском божестве – Матери солнц соответствует общему развитию мифологических представлений в Китае. «На фоне достаточно многочисленного слоя женских божеств – Прародительниц, Матерей, Женщин, Хозяек стихий природы и пр. – образ женского божества солнца не кажется чем-то неожиданным. Некоторые данные, правда, очень скудные, из других источников подтверждают традицию «Книга гор и морей», о солнце как о женском божестве» [11, с.116]. Также Э.М. Яншина обращала внимание, что в фрагменте «Хуайнаньцзы» это божество названо женщиной. «Имя Сихэ упомянуто во фрагменте утраченного памятника IV в. до н. э. «Гуйцзана» (разд. Циши), цитируемого комментатором «Каталога» Го Пу (IV в. н. э.):

Поглядите, вот они появляются на небе
И во время света, и во время тьмы.
Это сыновья Сихэ.
Они выходят из Долины Света [11, с.116].

Здесь идет речь о Сихэ, как о Матери солнц. «Но, если даже в самых древних памятниках божество солнца осознаётся как мужское, это не исключает того, что некогда оно представлялось женским. В том, что именно в ханьских текстах всплывает более древняя традиция о нём, нет ничего удивительного. Поскольку эпоха Хань во многих отношениях была эпохой реставрации архаики, то, вопреки мнению Б. Карлгрена, фиксация данной

традиции в ханьских памятниках говорит в её пользу, а не против неё» [11, с.116].

«Сихэ упоминается в «Вопросах небу» (фрагмент о дереве Жо), а также в «Скорби Отлучённого», во фрагменте, насыщенном мифологическими намёками и деталями, связанными с солярными мифами:

Вдруг как ветер взмываю я ввысь,
На рассвете в свой путь к Цанью я пускаюсь.
Напою я коней в Озере Сянь,
И хочу я побыть хоть немного в обители богов.
Солнце все ближе и ближе к закату.
Прикажу я Сихэ замедлить времени бег,
Чтоб издали Яньцзы (горой) любоваться...
Напою я коней в Озере Сянь,
Привяжу их уздечкой к Шелковице Фу,
Ветку дерева Жо отломлю
И солнце ею обмахну» [11, с.116].

Насколько устойчивы были олицетворения солнц в растительном образе, по словам Э.М. Яншиной, можно видеть в том, что «они остаются в мифологических воззрениях наряду с другими, более поздними олицетворениями и, более того, когда их «служебная» роль сведена на нет. Так, в гимне «Владыке Востока» солнце представляет собой антропоморфное божество, выезжающее на небосвод в колеснице, запряжённой драконами (вар. конями). В дереве, по которому солнце поднималось на небо, нет, казалось бы, уже нужды. Но Шелковица Фу остаётся и здесь необходимым атрибутом восхода солнца» [11, с.115].

Л.П. и В.Л. Сычёвы, говоря о солярной символике, присутствующей в китайском костюме, отмечали, что исследуемые мифологические сюжеты часто «исполнялись» на элементах одежды. «Основной смысл изображения солнца на одежде не изменился: рассвет, начало, пробуждение, восход» [7, с.45]. И. Каменорович отмечает изменение в способе выражения птицы

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

на солнечном диске: «Эволюционировал способ выражения» [3, с.172].

Например, петух, который с древнейших времён был связан с культом Солнца, был частым элементом вышивки на костюме [7, с.28].

В книге «Китайский костюм» цитируется книга «Древние китайские ткани и вышивки», в которой Е.И. Лубо-Лесниченко даёт перевод из источника II в. «Фэнсутуньи». Исследователь объясняет частое использование изображения петуха как декора элементов одежды тем, что при жертвоприношениях в пригородах княжества Лу в жертву Солнцу приносили красного петуха, потому что его голос по утрам и красные перья отгоняли зло от правителей княжества Лу (рис. 3) [7, с. 28].

Рис.3. Графический солярный символ (с вышивки эмблемы на нарядах императорского облачения)

Исследователи считают, что роль солнца в китайской культуре и по сей день оказывает значительное влияние на чувства, эмоции и мировоззрение китайского народа. Так как мифы Поднебесной последовательно рассказывают о сотворении мира и людей, то можно сделать вывод, что китайская солярная мифология отличается от мифологических систем других народов мира. Она представляет собой соединение верований разных по времени и культурным принадлежностям.

Луна в китайской культуре

Луна является самым близким к Земле небесным телом и занимает в китайской символике второе по значению место после Солнца [1, с. 399].

Российский историк, религиовед, социолог, китаист, д - р. ист. наук Леонид Сергеевич Васильев отмечал, что, «несмотря

на свою столь видную роль в системе древнекитайской натурфилософии, солнце и луна в Китае никогда не были объектами особо заметного почитания. Только после распространения даосизма с его разработанной мифологией солнце и луна в народных религиозных верованиях обрели своих божеств. Иногда это были просто антропоморфные божества Тай-ян и Тай-инь, изображавшиеся на лубках в виде благообразной пары, олицетворяющей духов солнца и луны» [1, с.399]. В.В. Малявин в своём труде «Китайская цивилизация» отмечает, что мифы о богах не сохранились в их подлинном виде. «Есть лишь смутные упоминания о двух супругах верховного бога – богине Сихэ, родившей десять солнц, и богине Чанси, матери двенадцати лун» [6, с.420].

Л.С. Васильев пояснял, что богиня Чанси (второе имя Чан Э) – жена легендарного древнекитайского героя Хоу-И-Чан Э, которая сумела выкрасть добытый её мужем у легендарной Сиванму эликсир бессмертия. Выпив эликсир и став бессмертной, Чан Э взлетела на луну и осталась там навечно. Так и возникла богиня луны [1, с. 399]. «Но, совершив свой легкомысленный поступок, Чан Э нарушила логическое соответствие в рамках космогонической системы» [1, с. 399].

В книге «Культы, религии, традиции» Леонид Сергеевич Васильев высказал предположение, что «видимо, именно необходимость восстановить нарушенное и заполнить вакуум явилась причиной появления продолжения древней легенды. Суть его сводится к тому, что в поисках пропавшей жены Хоу И как-то попал во дворец Дунванфу, который и назначил его божеством солнца. Таким образом, равновесие было восстановлено, а Хоу И, некогда по преданию расстрелявший девять лишних солнц, в конечном счёте оказался божеством последнего из них. Показательно, что о восстановлении равновесия вынужден был позаботиться Дунванфу – божество, которое появилось уже в первых веках нашей эры лишь в качестве партнера популярной Сиванму. Можно полагать, что и Хоу И, и его патрон Дунванфу получили свои высокие посты прежде всего потому, что в высших

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

небесных и божественных сферах предполагалось необходимое равновесие между силами инь и ян» [1, с. 399].

Иван Каменарович в своей книге «Классический Китай» отмечает участие солнца и луны в жизни обычных людей и то, что китайский календарь – лунно-солнечный. «В принципе, в году здесь двенадцать месяцев, но при том, что в расчёт берутся лунные фазы, существует разрыв между двадцатью восемью днями лунного месяца и продолжительностью солнечного месяца. Этот разрыв регулярно заполняется добавлением к двенадцати лунным месяцам тринадцатого, так называемого дополнительного месяца – на манер двадцать девятого февраля в современном западном календаре. На каждые семнадцать лет приходится семь, содержащих дополнительный месяц» [3, с.185]. «Между делом следует заметить, что календарный месяц и луна обозначаются одним иероглифом (юэ). В Китае и в календаре, называемом теперь сельскохозяйственным, и в западном календаре месяцы обозначаются номерами от одного до двенадцати и не имеют названий. Дополнительный месяц так и обозначается – «дополнительный месяц (жуньюэ)» [3, с.190].

Рис.4. Лунный заяц как покровитель Праздника середины осени

Как писал синолог Вольфрам Эберхард в своей работе «Китайские праздники», праздник середины осени – третий из увеселительных «праздников живущих», представляет собой «лунный праздник», и «празднуется не в день равноденствия, 21 сентября, а пятнадцатого дня китайской восьмой луны, который падает приблизительно на конец нашего сентября» [10, с.90]. «Пятнадцатый день каждой луны — это всегда день полнолуния, и поскольку луна в китайской космологии представляет собой женское начало, символ женского начала инь, воды, тьмы и ночи, то праздник середины осени – это праздник женщин и празднуется

ночью. Он, конечно, не самый эффектный из китайских праздников, но он, несомненно, самый романтический из них» [10, с.90].

Покровителем праздника середины осени является Лунный заяц (рис. 4), [3, с. 191]. Китаевед В. Эберхард описывал Лунного зайца, как «человечка, с важным видом восседающего в кресле и одетого в красный или зелёный халат <...> у него длинные тонкие белые уши» [10, с. 90]. Он также отмечал, что китайцы, в отличие от других народов, представляют зайца занятым работой: он сидит под огромным деревом и толчет в большой ступе порошок жизни. У зайца и луны есть несколько общих черт: оба никогда не закрывают глаз и бодрствуют всю ночь. По мифам китайцев, зайчиха выплевывает своих детенышей изо рта, таким же образом каждый месяц луна пожирается огромной жабой и спустя несколько дней рождается изо рта этого животного [3, с. 91]. Таким образом, и заяц, и жаба являются представителями вечной жизни [3, с. 91].

И. Каменарович поясняет, что по поверьям, луна холодна и поэтому напоминает нефрит – камень, который высоко ценится в Китае. «Если вы прикоснётесь к настоящему китайскому нефриту, то обнаружите, что он холоден и влажен даже в самые жаркие дни.

Рис.5. Графический лунный символ: лунная жаба и Коричное дерево (с ханьских погребальных стенописей)

Нефрит является символом целомудрия, чистоты и, значит, добронравной женщины. Поэтому считается, что на луне есть большой нефритовый дворец, в котором живет и правит богиня луны – Чаньэ. Заяц иногда получает сколько-то нефрита, который он затем употребляет на изготовление лекарства бессмертия. Однако существует и другая традиция, в соответствии с которой это лекарство изготавливается жабой. Так, например, на камне, найденном в провинции Сычуань, изображена жаба Юэчань (букв. Лунная жаба) (рис. 5), которая сидит рядом с божеством и толчет лекарство» [3, с.175]. В. Эберхард считал, что «эта жаба представляет собой противоположность ворона на солнце. Она имеет три ноги и символизирует воду, которая

связана с луной. Иногда даже говорят, что жаба – это метаморфоза богини Чан-э» [10, с. 90].

Говоря о роли солнца и луны в жизни китайцев, востоковед Л.С. Васильев в книге «Культы, религии, традиции в Китае» отмечал, что китайские императоры с древности совершали в храмах ритуалы в честь солнца и луны. При императорах последней династии Цин в Пекине существовали специальные храмы в честь солнца (Жи-тан) и луны (Юэ-тан). Раз в два года (соответственно в нечётные и чётные годы) император лично совершал обряды в каждом из этих храмов [1, с.399].

Как отмечает М.Е. Кравцова, на ранних этапах истории солнце и луна не всегда были самостоятельны, а чаще играли роль атрибутов других духов и божеств, охранявших стороны света или управлявших ими. «Например, в период Хань часто присутствует в декоре обратной стороны бронзовых зеркал диск солнца в когтях Цин луна (Зеленого дракона) хранителя Востока, а диск луны в лапах Байху (Белого тигра) – хранителя Запада» [4, с. 28]. Как пишет синолог В.В. Малявин в книге «Китайская цивилизация», главенствующее положение среди 12 символов, украшающих парадные одежды китайских императоров, и других ритуальных предметов занимали солнце и луна. На императорском халате светлый солнечный диск украшал правое плечо, тёмный лунный диск – левое. На солнечном диске имелось изображение трёхногого (нечётное число ян) петуха, на лунном – зайца, толкущего в ступе порошок бессмертия [6, с. 497].

У Сычевых узнаём, что «постепенно, с течением времени популярность различных божеств Востока и Запада в Китае поблекла, и осталось лишь почитание Солнца и Луны». «Если ещё в «Сун ши» мы читаем о том, что наряду со встречей Солнца (чао-жи) в день весеннего равноденствия и проводами Луны (сиюэ) – в день осеннего, также приносили жертвы властелинам пяти сторон света (сы у фанди), то уже в «Мин ши» властелины сторон света не фигурируют в списке божеств, которым приносятся ежегодные жертвы» [7, с. 29].

Как считают китаеведы, мотив луны в китайской культуре связан, прежде всего, с искушением, нарушением запрета, красотой и бессмертием, с любовью, а также с духовной стороной человеческой жизни. Все эти представления как раз соответствуют традиционным правилам в жизни китайцев – жить размеренно и спокойно.

Таким образом, на основании исследуемых источников можно сделать вывод, что в культуре Китая солнце и луна оставили значительный след. Данные космические тела влияли и на жизнь высших сословий, и на жизнь простых людей. Небесные светила нашли своё отражение не только в божественных существах, которым поклонялись в специально возведенных храмах даже императоры, но и в символах баланса «Инь-ян», различных легендах и праздниках. Их изображали на одеждах правителей «Срединного государства» и наносили на специальных изображениях, порою представляя в виде мифических животных. Календарь был составлен также на основе солнечных и лунных фаз. Представления о Солнце и Луне имеют многовековую историю в культуре Китая. В каждой эпохе найдется отголосок значимости этих загадочных космических тел, будь то миф или учение.

Книги из фонда редких изданий Научной библиотеки ДВФУ предоставили нам уникальную возможность пополнить дополнительные знания о культуре Китая и её особенностях.

Список литературы:

1. Васильев, Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М. : ГРВЛ, 1970. – 484 с.
2. Виноградова, Н. А. Китайская пейзажная живопись / Н. А. Виноградова. – М. : Изд-во «Изобразительное искусство», 1972. – 160 с.
3. Каменарович, И. Классический Китай / И. Кменарович. – М. : Вече, 2006. – 416 с.
4. Кравцова, М. Е. История культуры Китая / М. Е. Кравцова. – М. : Изд-во «Лань», 2003. – 416 с.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ МЕРИДИАН

5. Курган, О. Мифы и легенды Китая / О. Курган, С. Чумаков // Мифы и легенды народов мира: Япония, Китай, Монголия, Вьетнам : сборник. – М. : Мир книги, Литература, 2006. – 448 с.
6. Малявин, В.В. Китайская цивилизация / В. Малявин. – М. : Изд-во «Апрель» ; Изд-во АСТ ; Издательско-продюсерский центр «Дизайн. Информация. Картография», 2000. — 632 с.
7. Сычев, Л. П. Китайский костюм: символика, история, трактовка в литературе и искусстве / Л. П. Сычев, В. Л. Сычев. – М. : Наука, 1975. – 172 с.
8. Федоренко, Н. Т. Тематическое своеобразие китайской мифологии // Историко-филологические исследования : сборник статей к семидесятипятилетию академика Н. И. Конрада / гл. ред. акад. М. Б. Храпченко. – М. : Наука, 1967. — С. 381–395.
9. Царёва, Г. И. Народные верования и магия в Китае // Всё о Китае: культура, религия, традиции / сост. Г.И. Царева. – М. : Профит Стайл, 2008. – С. 311–324.
10. Эберхард, В. Китайские праздники / В. Эберхард. – М. : Наука, 1977. – 128 с.
11. Яншина, Э. М. Формирование и развитие древнекитайской мифологии / Э. М. Яншина. – М. : Наука ; Главная редакция восточной литературы, 1984. – 248 с.